

№ 99. КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА

- Из того из города из Крякова,
Из того села да из Берёзова,
Да из той из улицы Рогатицы,
У того ли подворья королевского
5. Выежжал дуродный добрый мóлодец,
Молодой Петры́ Петрович, королевский сын.
Выежжал он в поле за охотою —
Пострилять там в поле гусей, лебедей,
Серых малых перелетных утёнышей.
10. Да й проездил мóлодец по день поры́,
Да й проездил мóлодец по дрúгой день,
Не наехал он ни гуся да й ни лебедя,
Да ни сэра перелётного й утёныша.
Подъежжал ко славному й синю́ морю́,
15. Усмотрел на славноём синём мору́,
- Да на том на тихоем на за́губьи,
Да на том зеленоем на за́тресьи,
А ведь плавало там две й лебёдушки,
Две прекрасныи Настасьи Митриевичны.
20. Молодой Петры́ Петрович королевский сын
Скоро ту́гой лук разрывчатый расстёгивал,
Натенул тетивочку й шелко́вую,
Наложил он стрелочку й каленую,
Да й хотúт спустить тетивочку шелко́вую
25. Да й в тую во стрелочку й каленую,
Хочет подстрелить бёлых лебёдушек.
Так ведь эти ли да й две лебёдушки
Взлепетали язы́ком человеческим:
— «Ай же ты, удал дородный добрый мóлодец,
30. Молодой Петры́ Петрович королевский сын!
А ведь мы — то есть не две лебёдушки,
А ведь мы — то — две красных девушки,
Две прекрасных Настасии Митриевичны
Митриевичны, ведь мы царевичны.
35. А летим мы от пана от по́наного,
От того от Федора й Ива́нова,
Улетали за славноё й синё морё
Да на вашу на матушку светую Русь.

- Хоть подстрель ты нас, двух белых лебёдушек,
40. Не укрятаешь плеча й себе могучего,
Не утетишь себе сердца богатырского,
Нашу кровь прольешь ты во сыру воду,
Наши перья разнесешь да й по синюю морю,
Нашу тушицу ты спустишь в глубокую воду.
45. Выежжай в раздольице чисто поле,
Да под тот под славный под Невид дуб:
А сидит там птица — ворон черная,
А ведь крыльица у ворона черным — черны,
А ведь перья у ворона белым — белы,
50. Пораспуцены крыльица до матушки сырой земли.
О такой ведь птице на свете не слыхано,
Да й на белоём еще не видано!»
Так стал тут молодец да й пораздумался:
«Хоть подстрелить двух белых лебедушек, —
55. Не укрятати плеча могучего,
Не утешить сердца богатырского,
Ихну кровь пролью я й во сыру воду,
Ихну тушицу спущу в глубокую воду,
Ихни перья разнесет да й по синюю морю, —
60. Не укрятать мне плеча могучего,
Не утешить мне — ко й сердца богатырского!»
Тут снимает тугой лук разрывчатый,
Да снимал ту стрелочку й каленую,
Да спускал тетивочку й шелковую,
65. Скоро тугой лук разрывчатый пристегивал,
Пристягнул ко правому ко стремени булатному,
Повернул коня он богатырского
- Да й поехал в раздольице чисто поле.
Подъезжал под славный под Невид дуб;
70. Усмотрел он птицу черного ворона,
А сидит там птица черная,
А ведь крыльица й черным — черны,
А ведь перья й у ворона й белым — белы,
Пораспуцены крыльица до матушки сырой земли, —
75. Молодой Петры Петрович королевский сын
Скоро тугой лук разрывчатый отстегивал,
Натянул тетивочку шолковую,
Наложил он стрелочку каленую,

- Хочет подстрелить он птицу черного ворона;
80. Так ведь эта птица — ворон черныя
Взлепетала языком человеческим:
— «Ай же ты, дуродный добрый молодец,
Молодой Петры Петрович королевский сын,
Хоть подстрель ты меня, птицы черного ворона,
85. Мою кровь прольёшь ты по сыру дубу,
Мою тушицу ты спустишь на сыру землю,
Мои перья разнесет да й по чисту полю
Не укрятаёшь плеча могучего,
Не утетишь тем сердца богатырского.
90. А слышал ли поговору на светой Руси:
В келье старца убить — ведь есть не спасенье,
Чорна ворона пострелить — не корысть получить!»
Так стоит тут молодец, пораздумался:
«Хоть подстрелю я птицу — ворон черного,
95. Не укрятаю плеча й могучего,
Не унять мни кого й сердца богатырского.
Яво кровь пролью я по сыру дубу,
Яво й тушицу спущу я на сыру землю,
Яво й перья разнесет по чисту полю,
100. Не укрятать мне плеча й могучего,
Не утешить мне — ка й сердца богатырского.
А слышал я поговору на светой Руси:
«В келье старца убить — ведь есть не спасенье,
Чорна ворона подстрелить — не корысть получить!
105. Так ведь эта птица — ворон черныя
Говорит опять да таковы слова:
— «Поежжай — ко ты во славный Киев — град,
Ко тому ко князю й ко Владимиру,
А у ласкового й князя у Владимира
110. Есть хорош почестен пир да пированьице
На многих князей, на многих бояров,
Да й на славных могучиих богатырей,
Да на славных поленец разудалых.»
Так тут в тую пору, в тое времячко
115. А кричит татарин во чистом поле,
Подъезжает татарин на добром кону,
А он кличет, выкликает поединщика,
Супротив себя он супротивника,
А кричит, сам скажет таковы слова:

120. — «А Владимир князь ты стóльнѣ—кеевской!
Как не дашь ты мне да й поединщика,
Из чистá поля ты й мне наездничка,
Как проеду прямо я в тот в стóльней Кеев—град.
Твоих чорных мужиков я всех повырублю,
125. Ваши церкви божия на дым пуцу,
А тебя, князя Владимира, в полон возьму
Со своей Опраксией—королевичной,
А в полон возьму да й голову срублю!»
Так стоит тут мóлодец да пораздумался:
130. «Если ехать в поле й б́иться—ра́титься,
Так побьёт меня татарин на добрóm кон́у;
Если ехать мне прямо в стóльнѣй Киев—град,
То не честь—хвала мне будет от богáтырей
Да не выслуга й от князя от Владимира!»
135. Тут просил себе он бога нá—помочь.
Припустил коня он во чистó полѣ,
Едет к той он полян́ице разудалоей;
Он заехал к полян́ице с л́ичка с белого,
Они съехали, так поздоровались,
140. Они делали стóвóр межд́у собой,
Как им силушки у друг другá отведали:
— «Нам разъехаться на кóнях богатырских,
Приудариться во палицы булатныя!»
Разъезжались на кóнях богатырских,
145. Приударились во палицы булатныя, —
Ихны палицы да й погибалися,
А в руках по маковкам сломалися, —
Не могли сбить друг другá с добрых коней,
Никоторого й местечка ни кровавили.
150. Они делали стóвóр межд́у собой,
Как же силы им у друг другá изведати:
— «Нам разъехаться на кóнях богатырских,
Приудариться во копя муржамѣцкие!»
Разъезжались на кóнях богатырских,
155. Приударились во копя муржамѣцкие, —
Ихны копя в руках да погибалися,
Погибалися, по маковкам сломалися, —
Не могли сбить друг другá с добрых коней.
Никоторова местечка ни кровавили.

160. Они делали сговóр междú собой,
Как же силушки у друг другá отведати:
— «Нам разъехаться на кóнях богатырских,
Приудариться во сабли, сабли вострыя!»
Разъежжались на кóнях богатырских,
165. Ихни сабли тут в руках да й погибалися,
Погибалися да й все сломалися, —
Не могли сбить друг другá с добрых коней.
Они делали сговор междú собой,
(*Вот сильныи были. Три раза сражались, не могли друг друга
сбить.*)
Как им силушки у друг другá отведати:
170. — «Нам слезть на матушку сырú землю́
Да й подраться боем — рукопашкою!»
Тут сходили на матушку сырú землю́
Да й подраться боем — рукопашкою.
Молодой Петры́ Петрович королевский сын,
175. Приучóн ведь он бороться об одной ручкóй,
Об одной ручкóй он маленьким ребеночком.
Подходил он к поленúце — то близёшенько,
Захватил он паленúцу ведь одной ручкóй,
Да й здынул он паленúцу выше гóловы,
180. Да й спустил он полянúцу ниже пояса,
Ниже пояса спустил он во конинный ступ,
Поскорёшеньку соскочит на белы́ грудú.
(*Победил все — таки русский!*)
Во руках он держит булатный нож,
Хочет он срубить ей буйную головушку, —
185. Явó правая рука в плече да й застоялася,
В очах у него свет да й помущается,
Говорил он палянúце да й таковы слова:
— «Ты скажи мне, палянúца разудáлая,
Ты с какой орды есть, из какой земли?
190. Ты какого же отца да ты есть матери?
Ты какого же да й роду й да племени?
Еще как же тебя ведь да именём зовут,
Удалúю звеличают по отечеству?»
Говорила полянúца, слезно плакала:
195. — «Ай же ты, мужик да й деревенщина,
Тебе просто надо мною насмехатися,

- Как стоишь ты на моих на грудях белых,
Во руках ты держишь свой булатный нож,
Хочешь ты срубить мне буйную головушку!
200. Как я был бы на твоих на грудях белых.
Не спросил бы я ни батюшка й, ни матушки,
Ай рубил бы тебе буйную й головушку!»
Разгорелось сердце у богатыря,
Молодого Петры Петровича,
205. А вздохнул он ручку й праву й выше головы,
И спустил он ручку да й ниже пояса, —
Явó правая рука да й застоялася
В очах у него й свет да й помущается.
Говорил он полянице таковы слова:
210. — «Ты скажи мне, поляница разудáлая,
Ты какой земли да какой орды?
А какого отца ты есть, матери?
Да какого й будешь роду — племени?
Еще как же й тебя да именём зовут,
215. Уда́люю звеличают по отечеству?»
Говорила поляница, слёзно плакала:
— «Ай же ты, мужик да й деревенщина,
Тебе просто надо мною насмехатися,
Как стоишь ты на моих грудях белых,
220. Во руках ты держишь свой булатный нож.

456

- Хочешь ты срубить мне буйную головушку!
Если б был бы я да на твоих грудях,
Не спросил бы я ни батюшки, ни матушки,
Ай рубил бы тебе буйну́ и головушку!»
225. Разгорелось сердце у богатыря,
У молодого Петры Петровича,
Тут здынул он ручку й праву выше головы,
Да й хочет спустить он ниже пояса, —
Его правая рука в плече да застоялася,
230. Во очах у няго свет да помущается,
Говорил он поляницы таковы слова:
— «Ты скажи мне, поляница разудáлая,
Ты с какой, скажи, земли да из какой орды?
А какого есть роду — племени?
235. А какого отца й матери?
Еще как же тибя да именём зовут,

- Удалого звеличают по отчеству?»
Говорила поляница, слезно плакала:
— «Ай же ты, богатырь светорусьския,
(*Сейчас сознаётся!*)
240. Когда стал ты у меня выпрашивать,
Ты й ведь стану я й про то й высказывать.
А ведь есть я из города из Крякова,
Из того села я из Берёзова,
Да из той из улицы Рогатицы,
245. Из того ль подворья Королевского,
Молодой Лука Петрович королевский сын:
Увели мене татарова поганья,
Увели мене й со широка двора,
С широка двора ведь маленьким ребеночком;
(*Его татаровы украли у матери. Один сидел на дворе.*)
250. Стал иметь силу велику в полном возрасте,
Подбирать себе стал коня богатырского,
Да й поехал на матушку светую Русь,
Поискать ведь я да й роду — племени,
Роду — племени да й отца й матери!»
255. Молодой Петры Петрович королевский сын
Поскорёшеньку соскочил со белой груды,
Брал его за рученьки за белыя,
Да за ты за перстни за залачёныя,
Да й кормил его ёствушком сахарнием,
260. Да й поил его питьицем медвяным,
Целовал его в уста сахарния,
Да й давал он яму дары драгоценныя,
Называл его братцем родимым,
Молодым его Лукой Петровичем.
265. Оне друг с другом тут спознавалися,
Спонавалися, в кресту расцеловалися,
Да й садились на коней богатырских
И поехали в раздольице чисто поле.
Приезжали домой они на широкой двор,
270. Становили коней посреди двора.

Молодой Петры Петрович королевский сын
Побежал в свои полаты белокаменные,
А он крест кладет да й по — писаному,
Да й поклон ведет он по — ученому,

275. А своей ли государыне й в особину:
— «Здравствуй, свет моя ты государыня,
Государыня й ты рódна й матушка!
Я сегодня был в раздольици чистóм полú,
А наехал я татарина поганого,
280. А кормил явó ёствушком сахáрнием
Да й поил явó питьицем медвя́нным,
Ай дарил я ему дáры драгоценныя!»
Как тут свет честна́ вдова заплакала
Женским голосом да во всю голову:
285. — «Ай же ты, да мое чадо мúлоё,
Молодой Петры́ Петрович королевский сын!
Как наехал ты татарина в чистóм полú,
Не кормил бы его ествушкой сахáрнией,
Не поил бы его пúтьицем медвя́нным,
290. Не дарил бы ты ему дáры драгоценныя,
А колол бы явó рогатиной звериною, —
А ведь эти ведь татаровья й поганыи
Увели ведь твоего братца с широка́ двора,
Молодого оне Лука Петровича!»
295. Молодой Петры Петрович королевский сын
Говорит мамаше таковы слова:
— «Ай же свет моя ты государыня,
Государыня ты й родна й матушка,
А сегодня я наехал на татарина,
300. А сегодня я наехал братца й рóдного,
Молодого ведь я й Луку й Петровича,
А теперя он у нас на широком дворú,
Да по нашему двору пошел погуливать,
Да добрых коней за пóвода поваживать.»
305. Как тут свет честна́ вдова заплакала,
Выбегала поскорёшеньку на широкой двор.
Увидала й она сынка любимого,
Молодого она Луку Петровича, —
А он ходит по́ двору, похаживает
310. Да добрых коней за пóвода поваживает, —
Подбегала к добру мóлодцу близёхонько,
Да й брала его за рученьки за белые,
Да й за те ли за перстни́ за злачёные,
Целовала его в уста сахáрния,
315. Называла ведь сынком любимым,

Приводила их в полаты белокаменны,
Проводила их за стóлички дубовыя,
Д й за те ли скамеечки окóльныя,
Да й кормила их ёствушкой сахáрной,
320. Да й поила пúтьицем медвя́ным,
Да й дарила дáры драгоценныя,
Спать дожила на кроватушку тесовую,

458

Да й на тую на перинушку пухóвую,
Закрывала одеяльцами их теплыми, —
325. Стали пить да быть да век корóтати.
Да ведь тем былиночка й покончилась.
(Королевичи и есть!)

459